

**Колбасьев Сергей Адамович**

# **Салажонок**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3  
ББК 84  
К60

K60      **Колбасьев Сергей Адамович**  
Салажонок / Колбасьев Сергей Адамович – М.: Книга по Требованию, 2012. –  
92 с.

**ISBN 978-5-458-03297-1**

Посвящается борьбе с Врангелем Азовской флотилии в 1920 году. Беспринцорный подросток Васька попадает на военную флотилию. И тут начинаются его приключения, он становится участником боев и походов., : «Салажонок» — повесть, написанная как бы для детей, на самом деле попытка Колбасьева объясниться: зачем он пошёл на службу к большевикам. Безенцов и Сейберт, как два варианта. На мой взгляд, Колбасьев пришёл к тому же решению, что и позже Леонид Соболев (относительно продолжения «Капитального ремонта») — правду не напишешь, а врать неохота. Концовка «Салажонка» пришита красными нитками, вроде рукава.

**ISBN 978-5-458-03297-1**

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2012

Колбасьев Сергей  
Адамович  
Салажонок



# Глава первая

Васькино полупальто, когда-то защитного цвета, от жирных пятен и прочей грязи стало почти черным. Из многочисленных его дыр ключьями лезла бурая вата, и рукава его, дважды подвернутые, все же были длинны. Все это, однако, Ваську не смущало. Его щегольство имело особый характер — он носил за веревочным поясом две разряженные ручные гранаты. Из сказанного совершенно ясно, что Ваське было шестнадцать лет, что он был партизаном и что рассказ этот начинается в тысяча девятьсот двадцатом году.

О Васькином происхождении и судьбе много говорить не приходится, — они были самыми обыкновенными. Отец, харьковский железнодорожник, пропал во время немецкой войны; мать, уборщица в эпидемических бараках, два года спустя умерла от сыпняка. Ни сестер, ни братьев у Васьки не было. Он сел в поезд и поехал к родным в деревню, но до него по тем местам прошли петлюровцы, и ни деревни, ни родных он не нашел. Зато его нашел партизанский отряд Чигирия. Чигирий был толстым и хладнокровным пастухом. Он отлично умел спускать под откос белые поезда и не без успеха громил неприятельские обозы. Он одновременно с Махно изобрел пулеметы на тачанках и снабжал свои боевые колесницы соответствующими надписями: впереди — «Черта лысого уйдешь» и сзади — «На-кась, выкуси». Кормили в его отряде превосходно.

Лето и зиму Васька провоевал в должности разведчика, подручного при пулемете, помощника кашевара и вообще партизана широкой специальности. К весне белый тыл ушел в Крым, в бутылку, куда залез последний генерал — Врангель. Дело партизанщины окончилось, но охота партизанить осталась. Чигирий решил переметнуться к белым, и переметнулся бы, если бы его ближайший друг и помощник, кузнец Сашка Дрягалов, вовремя его не пристрелил. Постреляв еще немного, Дрягалов отвел отряд разоружаться в Мариуполь. Таким образом, к первому мая тысяча девятьсот двадцатого года Васька оказался в абрикосовом саду на горке над Мариупольским портом.

Абрикосов еще не было, а потому все Васькино внимание было обращено в сторону моря. Он видел его впервые, но был разочарован — оно лежало совершенно гладкое и пустое.

Справа синей неинтересной полосой тянулась Белосарайская коса, слева и впереди просто ничего не было. Васька зевнул, прикрывая рот рукой, повернулся и пошел. Он определенно был недо-

волен всем на свете, и в особенности слишком горячим солнцем.

В чертовом полуальто можно было задохнуться, но снимать не годилось: не было рубахи. От адской жары хотелось пить, а пить было нечего. Кончилась Васькина вольная жизнь, и неизвестно было, что делать и куда податься. Неизвестно даже, куда пойти за пайком.

Может, в Красную Армию? Васька поморщился и замотал головой. После вольной войны идти в работу? Шагать строем да слушать приказы? Новое дело!

Васька отлично знал, что его не возьмут. Скажут; мальчишка-партизан от Чигиря и, может, такой же бандит. Но предпочитал думать, что сам не хочет. Так было легче.

И все-таки было погано. Васька шел сквозь весенний сад и сверкающий день со стиснутыми в рваных карманах кулаками. Он совершенно не соответствовал первомайской природе, и она его раздражала.

— Сволочи! — вдруг вскрикнул за кустом высокий голос.

Это настолько совпало с Васькиным настроением, что он остановился и даже открыл рот.

— Прохвости! — добавил голос и продолжал стремительным нагромождением яростной, почти непонятной браны. Васька выслушал до самого конца и, только когда у ругателя перехватило дыхание, шагнул вперед.

За кустом, поставив ногу на камень, стоял замечательный военный моряк с крепко напомаженным коком над свирепым лбом, с открытой волосатой грудью и непомерным клешем, перекрывавшим ботинки.

— Что такое? — спросил Васька.

— Что? — возмущался военмор. — А то самое! Управление военного порта, обмундирование первого срока за счет республики!

— Ты чего ругаешься?

Военмор топнул ногой о камень. От этого его ботинок коротко шлепнул подошвой.

— Вот что! — понял Васька. — Подошва, значит. А ты ее проволокой, — и показал на собственные ноги.

— Портовые крысы! Холеры! — снова разъярился военмор. — Разве это товар? Шел по дорожке, прихватил грунта — и нет подошвы! Разве это работа?

Васька соболезнующе плонул.

— Чтобы я, военмор Яков Суслов, шлепал ихним дрянным барабахлом! Чтобы они сидели на нашей шее, сосали нашу кровь и по

шесть пар хороших штиблет носили!

— Кто? — не выдержал Васька. — Как шесть пар носят?

— Крысы военпортовские!

Крысы с шестью парами ног показались Ваське неправдоподобными. Он рассердился:

— Чего мелешь?

Можно ли в двух словах разъяснить постороннему сложные взаимоотношения между управлением военного порта и плавающим составом флотилии? Можно ли заниматься хладнокровным разъяснением, когда отваливается подошва? Суслов понял, что его негодование до Васьки не доходит, но махнул рукой и пошел, прихрамывая на большой ботинок.

Васька молча двинулся за ним. Времени у Васьки хватало, и любопытство его было затронуто.

— Привязался? — немного спустя спросил Суслов. Он был доволен, что приобрел слушателя, и дружелюбно добавил: — Какого рожна нужно?

— Посмотреть, — ответил Васька. Посмотреть на порт стоило.

Тропинка из сада вышла к путям, к платформам, груженным длинными серыми пушками и огромными черными шарами, к поленицам сложенных под брезентом тяжелых снарядов, к нагроможденным ящикам самых различных размеров и форм.

— Строим флотилию, — сказал Суслов, — гада Врангеля из Крыма вышибать. Споткнулся и вдруг рассвирепел: — Своих гадов сперва перебить надо! С таким обмундированием воевать?

Васька взглянул на собственное обмундирование, и Суслов сразу стал ему неприятен. Чего он волнуется? Воевать можно. Пушек хватает.

Пушки дали его мыслям новое направление.

— Зачем они такие длинные?

— Чтобы стрелять, — кратко ответил Суслов.

Ответ был невразумителен, но, раньше чем добиваться полной ясности, нужно было спросить про шары на платформах.

— Это что?

— Мины заграждения.

— Зачем?

Суслов не ответил.

Дальше шли молча, потому что Васька обиделся. На путях кучками стояли моряки — самая большая и веселая кучка у походной кухни. На ящиках с надписями «Гангут» и «Полтава» сидели и курили. Совсем такие же ящики были в отряде Чигири с подрывным

материалом.

Васька вдруг забеспокоился:

— Зачем курят?

— А тебе что?

— А что в ящиках?

— Чепуха. Прицелы и всякая принадлежность. Артиллерийское имущество. Васькино беспокойство Суслову показалось занятным. — А нам, впрочем, плевать. Мы на чем хочешь покурим. Хочешь на бездымном порохе, хочешь на бензине. Привыкли.

Васька широко раскрыл глаза, и Суслов почувствовал себя героям. Он очень любил геройствовать, а потому сразу оживился:

— Посмотрел бы ты, парнишечка, нашу морскую войну, не то запел бы. Тут тебе штормяга такой, что чуть ногами кверху не ставит и через мачты волной хлещет, а мы ему прямо в рожу идем. И я на штурвале стою — я рулевой! Или кроют нас из двенадцатидюймовых — один снаряд сто пудов весит!

Стопудовый снаряд значительно превышал существовавшие в действительности, но на Ваську подействовал. Военмор Суслов купался в отраженных на Васькином лице лучах своей славы. Его наслаждение было тем более полным, что ни разу в жизни он не слышал двенадцатидюймовой стрельбы и за всю службу с восемнадцатого года совершил только один морской поход: с правого берега Невы на левый.

— Пойдем, браток, к нам на «Республиканец». Чаю дам, — ласково сказал он и, подумав, добавил: — С хлебом.

«Республиканец» стоял у стенки и был самым обыкновенным буксиром, по случаю войны переименованным в сторожевое судно. На корму ему поставили семидесятипятимиллиметровую, под мостик два пулемета. Борта, трубу и рубку окрасили серым цветом. Команду набрали новую из военморов, но командира, за недостатком в эшелонах комсостава, оставили прежнего. Комиссара назначить еще не успели.

Командир Апостол Константинович Мазгана плавал на своем суденышке семнадцать лет, знал каждую его заклепку, но в перекрашенном и вооруженном виде его боялся. Он никак не мог привыкнуть к его новому имени, никак не мог понять своей новой службы, от нервности все время пил чай и распоряжался. Он чувствовал себя очень несчастным.

— Товарищ! — заволновался он, увидев на стенке Суслова. — Зачем же это вы ушли гулять? Вам как раз нужно было заступать на вахту, разве же это можно?

— Идем, что ли? — предложил Суслов Ваське. Он был горд своим неверно понятым званием военмора и штатского командира Мазгану не уважал.

По узкой сходне они спустились на палубу. Среди досок от разбитых ящиков, в угольной пыли, оставшейся после погрузки, валялись еще не разобранные брезентовые чемоданы, — часть команды прибыла всего несколько минут тому назад. Корабль был неорганизован и бесполков, но Васька этого не заметил. Он с опаской смотрел на маленького, усатого и потного командира, но тот, неожиданно забормотав, убежал к себе в каюту.

— Гуляешь, значит? — спросил Суслова коренастый моряк в рабочем платье. Любишь, чтобы за тебя другие служили?

— Служба! — возмутился Суслов. — Служба на такой калоше! На какой черт служба, когда у Врангеля миноносцы и все прочее?

— А ты поменьше разговаривай, — спокойно посоветовал моряк в рабочем. Его глаза неожиданно засветились, и Суслов сразу остыл:

— Да я, товарищ Ситников, ничего. Я только ходил в порт, а по дороге подошву сорвал. Вот смотри, — и поставил ногу на машинный люк.

Моряк в рабочем платье, рулевой старшина Ситников, был старым моряком и очень выдержаным человеком. Никому ни разу худого слова не сказал, и тем не менее весь «Республиканец» его побаивался. Звали его не иначе, как товарищ Ситников, или по имени и отчеству — Павел Степанович.

Он осмотрел ботинок и поковырял ногтем подошву. Потом выпрямился.

— Кожа в целости. Получи у Бравченко парусной нитки, прошей и застуй на вахту.

Васька смотрел молча. На его глазах в течение нескольких минут произошла переоценка ценностей. Командир оказался ничтожеством, простой моряк командиром, а герой Суслов — совсем не героем. Почему? Задать этот вопрос было некому, и Васька сплюнул через борт.

— Не умею я шить, — признался Суслов,

— Плохой моряк, — ответил Ситников. — Баба и та шьет.

Суслов оглянулся на Ваську, пожалел, что привел его с собой, и разозлился, но злость свою в обращении к Ситникову не проявил.

— Все равно не поспеть. Ты уж, Павел Степаныч, за меня сейчас вступи, а я за тебя ночью отстою.

Ситников пожал плечами:

— Мне всё одно, — и, вынув из кармана цепь с дудкой, надел ее

на шею.

Так шли маленькие дела маленького корабля — нескладная жизнь еще не созданной боевой единицы. О них не стоило бы говорить, не будь они звеньями очень большого дела — Азовской флотилии.

Белых осталось выбить из последней крепости — Крыма, и флот на Азовском море был необходим. Со всех четырех морей страны шли в Мариуполь моряки. Они приходили кое-как сколоченными, почти партизанскими, но яростными отрядами. Организовываться по-настоящему было некогда: на скорость выгружались из эшелонов и захватывали корабли водного транспорта — любые посудины, способные держаться на воде.

— Поганый пароход. Это верно, — сказал Ситников, наливая чай. — Держи, сынок, — и протянул кружку Ваське.

Ситников, Суслов, Васька и пулеметчик Шарапов закусывали на баке. Суслов, чтобы успокоиться, обругал «Республиканца», и теперь Ситников ему отвечал:

— Конечно, поганый. У нас в Балтике его, пожалуй, и в портовые буксиры не взяли бы, а здесь он вроде как крейсер. Белые все хорошие увели, значит и на таком повоюем.

Шарапов молча кивнул головой.

— Что такое крейсер? — спросил Васька.

— Помалкивай! — возмутился Суслов. Он никак не мог простить Ваське того, что при нем спасовал.

Ситников, однако, поставил кружку на ящики, не глядя ни на кого, заговорил. Он начал издалека: со старинных полупарусных крейсеров — он видел их в начале своей службы, тогда они уже были в учебном отряде. Потом вспомнил «Громобоя», на котором плавал до войны. Это был настоящий крейсер — четыреста восемьдесят два фута длины. Просто не влез бы в здешнюю гавань, да и по морю здесь не прошел бы — мелко... Одни якоря чего стоили — левый становой до четырехсот пудов весу, — чистая мука при съемке. А еще побольше был крейсер «Рюрик». На нем он тоже плавал в пятнадцатом году. Как раз на вахте стоял, когда под Швецией встретили германский крейсер «Роон». Вышли из тумана и разбили противника со второго залпа...

Теперь начинались настоящие морские разговоры. Чтобы удобнее было слушать, Васька даже перестал есть. Вытер губы и, откинувшись к фальшборту, склонил голову набок.

— Товарищи! — прокричал сверху резкий голос, и Васька вздрогнул. — Кто на первомайскую демонстрацию? Кто желающий?

Выходи на стенку, наши «разинцы» уже собирались! Кто желающий?

Желающих на «Республиканце» оказалось множество. Срочно здесь же, на палубе, доставали из чемоданов обмундирование первого срока, скидывали с себя рабочее и переодевались. По распоряжению командования должны были идти только свободные, но свободными считали себя все.

— Что же это такое? — забегал Мазгана. — Как же это так? Приказано принять снаряды и еще что-то — я забыл, как оно называется. Разве же можно всем уходить?

— Я пойду, — вставая, сказал Суслов. Первое мая для него было не столько праздником трудящихся всего мира, сколько предлогом погулять. Погода стояла отличная, а баталер взамен неисправной выдал новую пару обуви.

— Идем, — поддержал машинист Засекин, старый рабочий, всерьез принимавший демонстрацию.

— Товарищи моряки! — продолжал волноваться командир. — Пусть хоть половина останется. Я очень прошу и даже приказываю.

Но ни просьбы, ни приказания не действовали: он был глубоко штатским человеком.

— Идем, братва! — снова позвал голос со стекни.

Васька взглянул наверх и не поверил своим глазам. Перед ним, весь в белом, с золотыми пуговицами, стоял самый настоящий офицер.

— Товарищ Безенцов, — взмолился командир. — Вы их зовете, а у меня всякие работы. Что же мне делать, если вы их зовете?

— Товарищ Мазгана, — ответил офицер, — вам лучше всего ничего не делать.

— Но как же тогда с этими снарядами?

— У меня на «Разине» все работы закончены. Сами виноваты, если у вас беспорядок. Задерживать команду не имеете права. Сегодня наш, пролетарский день!

Голос Безенцова, сперва сухой и насмешливый, к концу приобрел неожиданную торжественность.

— Не виноват! — запротестовал Мазгана. — Вагон только что подали. Но вы, конечно, правы — пролетарский день. Я готов. Я сам с ними пойду.

— Орел командир! — одобрил Безенцов, и команда «Республиканца» захохотала:

— Самый форменный орел!

— Только что не о двух головах!

— Не дело, — пробормотал Ситников. — Какой ни есть, а все-

таки командир. И работе тоже нельзя стоять.

— Не годится, — согласился Шарапов.

Васька долго крепился, но больше не мог. Такое офицерье он видел в белых обозах. По такому садил из пулемета. Он подошел к борту и задрал голову:

— А ты здесь кто?

Безенцов, чуть подняв брови, взглянул на него, но сразу же отвернулся.

— Ты кто, спрашиваю? — повысил голос Васька, Приходилось отвечать, и Безенцов улыбнулся:

— Надеру уши — узнаешь.

— Не надерешь, — ответил Васька, взявшись за гранату.

«Связываться с мальчишкой? Еще китель выпачкаешь», — Безенцов пожал плечами, повернулся на каблуках и ушел. Он не испугался, но тем не менее Васька почувствовал себя победителем.

— Молодцом, салага, — сказал Шарапов. — Не люблю белоштанного. Сам дал бы ему раза. — Это звучало похвалой Ваське, и он выпятил грудь, но, встретившись глазами с Ситниковым, смущился.

— Уши надрать тебе все же надо б, — сказал Ситников. — Безенцов этот командует сторожевиком «Разиным». Может, он и сволочь — про это не скажу. Однако контрреволюцией не запятнан и командир корабля. Лаяться, значит, нечего.

Десять лет входила морская служба в Ситникова. Дисциплина оставалась для него дисциплиной и в революции. Безенцов все-таки был командиром.

Безенцов или Мазгана? Который лучше? Мазгана, видно, хотел бы делать дело, да не умеет. Неплохой человек, только шляпа. Безенцов — из старых офицеров, командир что надо, и на словах будто хорош, однако в душу ему не влезешь. Больно скользкий.

— Не наш, — сказал Шарапов.

— А где возьмешь наших? — спросил Ситников. — Наши еще не учены. — И, подумав, добавил: — Пускай пока что действует. Первое дело — налаженность. Налаженность — значит, организация, а без командиров ее не создашь.

Ситников, конечно, был прав: за неимением своих приходилось брать сомнительного Безенцова. Совершенно так же вместо крейсеров брали вооруженные буксиры. Воевали с чем были.

Сейчас, однако, не воевали. Сейчас был мир, штиль и плывущий от зноя горизонт. Духовая музыка где-то на поплутти к городу, солнные, обезлюдевшие корабли у стенки, свисток паровоза и лязг ударивших